

Без вести не пропавший

Героическая судьба полковника Чубченкова

В книге «Память» Славгородского района, увидевшей свет в 1999 году, в списке не вернувшихся с войны уроженцев деревни Хоронево Лопатичского сельсовета о нем лишь скупая запись: «Чубченков Кирилл Моисеевич, в Красной Армии с 1930 г., полковник, командир 206-й штурмовой авиадивизии, пропал без вести 13 апреля 1944 года».

В конце 50-х годов минувшего столетия его имя знал весь Советский Союз, оно было символом мужества и несгибаемой воли, образцом преданности и беззаветного патриотизма. Тогда, лишь по прошествии десяти лет после окончания войны, советские люди наконец-то смогли по достоинству оценить то, о чем весь мир с восхищением говорил еще в 1946-м. Выступивший на Нюрнбергском процессе свидетель гитлеровских злодеяний — узник самого страшного нацистского лагеря Маутхаузен французский партизан Фридерик Риколь — впервые рассказал о невероятном, не имеющем аналогов в истории сопротивления фашизму восстании советских офицеров-заключенных: 2 февраля 1945 года, перебив охранников-эсэсовцев, из «Блока смерти» вырвались на свободу более 400 пленников, большинство из которых были советскими летчиками. В пятом томе «Истории Великой Отечественной войны» были названы главные организаторы восстания и побега: полковники Александр Исупов, Кирилл Чубченков, Анатолий Кобликов, подполковник Николай Власов. Чубченков и Исупов до случившейся с ними трагедии — плена — командовали 306-й и 206-й штурмовыми авиадивизиями, Герой Советского Союза Кобликов был заместителем командира 12-й гвардейской авиадивизии, Герой Советского Союза Власов служил летчиком-инспектором управления 275-й истребительной дивизии.

Беспощадно пригвожденные к столбу позора сталинской презумпцией виновности всех без разбора военнопленных, они возвратились из горького небытия лишь после смерти «вождя всех народов». В 1956 году в защиту их честных, незапятнанных имен всесоюзным набатом прозвучал голос известного писателя автора «Брестской крепости» Сергея Смирнова. Его поддержали Константин Симонов, Ираклий Андроников, другие писатели и журналисты. Фамилии узников-героев появились на страницах «Правды», «Известий», «Красной Звезды», зазвучали на радио и телевидении. Откликнулись однополчане, не стесняясь, заговорили о них товарищи по несчастью — оставшиеся в живых бывшие заключенные Маутхаузена.

И страна, советские люди их услышали. В честь полковника Кобликова были названы улицы в городах Бологое и Вышний Волочек. Именная улица и у Александра Исупова, своеобразным памятником стал для него и мемориал сформированному им в 1940 году легендарному 121-му гвардейскому авиаполку, созданный в Мачулищах под Минском. В подмосковных Люберцах достойно увековечили память Николая Власова. Здесь его имя носят школа и улица, установлен памятник, у которого зажгли огонь Вечной памяти. Приказом министра обороны СССР гвардии подполковник Власов навечно зачислен в списки 3-й эскадрильи 133-го гвардейского Оршанского

Краснознаменного истребительного полка. О нем и его героической судьбе написано несколько очерков, книг...

Не повезло только белорусу Чубченкову — ни тебе улиц, ни памятников, ни очерков, ни книг... Да еще и до сего дня — «без вести пропавший».

Собрать хоть какой-то материал, чтобы рассказать о нашем легендарном земляке, оказалось делом непростым, пришлось вести поиск в Германии и Австрии, обращаться за помощью к немецким специалистам-историкам, для которых имя Кирилла Чубченкова не просто имя.

Защищая Москву

Великую Отечественную майор Чубченков встретил зрелым человеком, авторитетным авиационным командиром. За плечами у Кирилла Моисеевича были почетная трудовая биография шахтера, летное авиаучилище, должности командира авиазвена, отряда, эскадрильи, участие в освободительном походе в Западную Белоруссию. Коммуниста с десятилетним стажем выдвинули на должность заместителя командира 61-го штурмового авиаполка 8-й авиадивизии, который базировался на аэродроме Кедайнйя севернее Каунаса. Перед полком стояла важнейшая государственная задача — в числе первых освоить совершенно секретный самолет — «летающий танк» Ил-2.

В июне 1941 года на их аэродром в обстановке строжайшей тайны, в разобранном виде — в ящиках, привезли первые пять штурмовиков. Но не только освоить, а даже собрать эти самолеты не успели. Судьба 8-й смешанной авиадивизии, лучшей в составе ВВС Прибалтийского особого военного округа, сложилась так же трагично, как и самой передовой в соседнем Западном особом — 9-й смешанной дивизии: немцы разгромили ее буквально в считанные дни. Почти все 316 самолетов 8-й сад, а среди них и новейшие истребители МиГ-1 и МиГ-3, были утрачены. Командира дивизии, одного из самых опытных и заслуженных летчиков в ВВС полковника Василия Гущина, арестовали и отдали под трибунал.

Стремительное, сумбурно героическое отступление привело к тому, что к 26 июня 61-й авиаполк был уже в Пскове, совершив за 5 дней всего 123 боевых вылета. Два из них — на счету майора Чубченкова. Штурмовать на деревянно-полотняных самолетах И-153 «Чайка» хорошо защищенные зенитной артиллерией и истребителями наступающие немецкие колонны было равносильно самоубийству. Но других самолетов не было — летали на них.

Обстановка на фронте ухудшалась с каждым часом. Толку от потерявшего почти все свои самолеты 61-го шап было мало, и его вывели в тыл, под Воронеж, где его ждала все та же задача — переучивание на бронированный штурмовик Ил-2. Даже по меркам военного времени срок для освоения совершенно незнакомого летчикам самолета назначили просто нереальный — 10 дней!

Это все равно, что вчерашнего водителя «Запорожца» с ходу посадить за руль тяжелого МАЗа с прицепом и — на центральные улицы Лондона с непонятным левосторонним движением. В довесок к этому никаких тебе наглядных пособий, описаний, документации... Основных букварей летчика — инструкций по эксплуатации, технике пилотирования и боевому применению самолета — тоже нет! Учебного самолета-спарки — и не спрашивай!

Заведомо невыполнимая задача, как снежный ком, свалилась на плечи заместителя командира полка майора Чубченкова. Все впервые, все на ощупь, все с риском для жизни... В это трудно поверить, но он сдюжил, справился! Справился досрочно! Всего за шесть дней он поставил на крыло 32 летчика! Командир 61-го шап подполковник Мамушкин, представляя его к награде, докладывал: «Майор Чубченков затратил много сил и энергии на быстрейший ввод летного состава в строй, в результате чего программа переучивания на Ил-2 была закончена раньше срока и полк был досрочно отправлен на фронт».

3 июля сначала одна группа из девяти самолетов, а затем и еще две по 10 Ил-2 прибыли в район Ельни, под Смоленском, и вошли в состав 47-й смешанной авиадивизии ВВС Западного фронта. Уже на следующий день (!) во главе с майором Чубченковым они наносили удары по фашистам у Мстиславля и Монастырщины.

Ученикам Чубченкова поневоле пришлось быть первопроходцами в боевом применении Ил-2. До начала войны войсковые испытания штурмовик пройти не успел. Как воевать на «летающем танке», никто, включая летчиков-испытателей, не знал. И то, что не сделали в спокойной обстановке — на полигонах, пришлось постигать в реальном бою. Метод проб и ошибок в условиях полного господства немцев и в воздухе, и на земле привел к огромным потерям. Полк таял буквально на глазах: за 10 дней боев из 29 Ил-2 в строю осталось всего 4, да и те еле «дышали» — сплошь в дырках да заплатках. Летчики успевали сделать всего несколько вылетов — и погибали. Особенно доставалось ведущим, которые во главе группы штурмовиков шли на цель. Майору Чубченкову в тех отчаянных боях удалось невозможное — совершить 7 боевых вылетов ведущим и выжить.

Основные потери были от зениток, немецкие истребители поначалу сбивали «бетонный самолет» (так они прозвали его за невероятную живучесть) с трудом. Но когда разобрались, что к чему, и выявили главный недостаток — отсутствие у одноместного Ил-2 воздушного стрелка, а значит, и полную беззащитность при атаке «цемент-бомбера» с

хвоста, результативность немецких асов резко пошла вверх. Но от вылета к вылету приобретался и оплаченный кровью наших летчиков боевой опыт: как правильно выходить на цель, в каком боевом порядке, с каким углом лучше пикировать, как уходить от атак «мессеров»...

В горниле ожесточенных воздушных боев рождаются спасающие от немецких асов «ножницы», «круг», «змеяка», на вооружение принимаются глубокие виражи на малой высоте с креном до 80 градусов. А чего стоило научиться заставлять себя доворачивать, уклоняясь от зениток, на разрывы снарядов, а не от них, вопреки, казалось бы, здравому смыслу и логике, когда все твое естество требует обратного... Летчиков, совершивших пять боевых вылетов, считали «стариками». Чубченков, так тот вообще ходил в «аксакалах».

20 августа 1941 года для пополнения обескровленной 47-й смешанной авиадивизии полковника Олега Толстикова на Западный фронт срочно перебросили 32 Ил-2 215-го штурмового полка. В связи с огромными потерями командование ВВС утвердило новые штаты, согласно которым штурмовому полку полагалось иметь всего 20 самолетов. Лишние самолеты 215-й шап передал в 61-й полк, а тот, в свою очередь, поделился с ним имеющими боевой опыт, но «безлошадными» летчиками.

21 и 22 августа штурмовики 61-го и 215-го полков выполнили 82 боевых вылета и прицельными ударами не только остановили механизированную колонну 2-й танковой группы немцев, но и нанесли ей огромные потери. О редком для тех отчаянных дней успехе маршал Тимошенко счел необходимым в специальном приказе довести до всего Западного фронта: «...славные 64-я и 50-я стрелковые дивизии — передовики нашего фронта и доблестная 47-я авиадивизия (61-й и 215-й штурмовые и 129-й истребительный авиаполки) разбили фашистские танки и заставили фашистов в беспорядке отступить».

В этом успехе немалая заслуга и майора Чубченкова, который во главе групп штурмовиков громил рвущегося к Москве врага. Будучи человеком невероятно скромным, он не только не выпячивал, а даже стеснялся своих заслуг, прилагая все силы и полномочия для того, чтобы больше награждали его подчиненных. Наиболее отличившийся в тех боях командир эскадрильи 61-го шап старший лейтенант В.Болотов был удостоен звания Героя Советского Союза.

Понесший большие потери 61-й полк вывели в тыл на пополнение, но ненадолго. 10 октября 1941 года он вновь воюет в составе 47-й дивизии на Западном фронте, который с трудом сдерживал натиск гитлеровцев, проводивших генеральное наступление на Москву — операцию «Тайфун». За шесть дней ожесточенных боев из двадцати самолетов в полку осталось всего пять... Сбитые, но сумевшие сесть на вынужденную посадку на нашей территории Ил-2 удалось восстановить и вернуть в полк.

23 октября майор Чубченков повел последнюю шестерку «крылатых танков» на штурмовку врага на подступах к Москве, под Волоколамском. При подходе к цели прямым попаданием зенитного снаряда в его самолете было выбито 64-миллиметровое лобовое бронестекло из прочнейшего сталинита. Осколками разворотило кабину, летчика оглушило. Несмотря на это, Чубченков атаку не прекратил. Бомбами, реактивными снарядами, огнем пушек и пулеметов ведомые им

штурмовики уничтожили и повредили 10 танков. После выполнения задания израненный самолет Кирилл Чубченков не покинул и все же привел всю шестерку на свой аэродром и благополучно приземлился.

В представлении Чубченкова к ордену Красного Знамени говорится: «Прекрасный боевой летчик, в совершенстве владеет самолетом. Своей боевой работой показывает летному составу полка образцы смелости и бесстрашия. Имеет большой боевой опыт, летный состав с большой охотой ходит с тов. Чубченковым на боевые задания». А ведь были, что тут скрывать, такие командиры, которые не только сами в бой не рвались, но и с кем летчики боялись и даже под угрозой трибунала отказывались летать. Несмотря на поддержку и ходатайство командира дивизии полковника Толстикова, решением вышестоящего командования Чубченкова наградили лишь орденом Красной Звезды. Скупались на награды в 41-м, очень скупались.

В эти тяжелые, отчаянные дни, когда шли ожесточенные бои за главный город страны — Москву, состоялось знакомство майора Чубченкова с начальником особого отдела ВВС Западного фронта старшим лейтенантом госбезопасности Василием Рыбаковым. На прилетевшего в 61-й полк на У-2 Рыбакова летчики смотрели с нескрываемым удивлением: особист и летает? Василий Николаевич попросил ознакомить его со штурмовиком Ил-2. Показывал лучший ас полка Кирилл Чубченков. Оказалось, оба родом с Могилевщины — земляки! Общий язык нашли очень быстро и расставались уже друзьями. Кто тогда мог предсказать, что в 1944 году Рыбаков сменит Чубченкова в должности командира 206-й штурмовой дивизии, а впереди их обоих ждет, увы, трагическая судьба...

Сгоревший в октябрьских боях под Москвой 61-й шап в очередной раз отправили в тыл — на пополнение... Невероятной храбрости это были люди — летчики-штурмовики. Немцы, так те и вовсе считали, что на Ил-2 летают специально подготовленные смертники. Огромным уважением и любовью они пользовались в наших войсках. Герой Советского Союза летчик-штурмовик минчанин Александр Васильчук рассказывал мне, что весной 1944-го перед отправкой на фронт пожилой летчик-инструктор напутствовал его словами, которых никогда не забыть: «Встретишь боевого летчика-штурмовика — в пояс ему поклонись, а если воевавшего в сорок первом — стань на колени и поклонись...»

В бесконечных боях под Ржевом

В январе 1942 года майор Чубченков вновь на фронте. Его 61-й шап в составе Калининского фронта участвует в ожесточенных боях на Ржевском направлении. Четырнадцатимесячное сражение за Ржев — одно из белых, вернее, кровавых пятен Великой Отечественной. До сего дня, увы, не подсчитаны потери наших войск. Но даже приблизительная цифра в 2 миллиона убитых, раненых и пропавших без вести просто потрясает. Огромные жертвы были здесь и у гитлеровцев.

В этой чудовищной мясорубке полки погибали, не успев толком и повоевать. 13 марта потерявший все самолеты 61-й шап вновь вывели в резерв.

Вернулся Кирилл Чубченков на печально знаменитый среди фронтовиков Ржевский фронт 11 июня 1942 года, вернулся подполковником, командиром 235-го штурмового полка 264-й штурмовой дивизии. В эти дни вышел приказ Сталина № 0490, который обязывал использовать штурмовики Ил-2 в качестве дневных бомбардировщиков и довести бомбовую нагрузку с 250 кг до максимально возможной — 600 кг.

Вождю и его окружению в Кремле вдруг показалось, что штурмовики не воюют, а прохлаждаются над целью. Теперь каждый командир обязан был ежедневно докладывать о том, сколько Ил-2 слетало на бомбометание с нагрузкой по максимуму. Пикантность ситуации была в том, что у Ил-2 не было бомбардировочного прицела, поэтому бомбы зачастую падали, как говорится, кучно, но мимо.

Хорошо известно, что ильюшинский штурмовик был тяжел и имел недостаточно мощный мотор. Подвеска в дополнение к реактивным снарядам, боекомплекту пушек и пулеметов, четырех 100-килограммовых бомб в бомбоотсеке и еще двух — снаружи делали его еще более инертным, неповоротливым — настоящим утюгом, а сам полет, как шутили летчики, похожим на бег беременного бегемота. Но приказ есть приказ, и первым, кто доложил о том, что его летчики освоили полеты с максимальной нагрузкой, был подполковник Чубченков. За пионерами-тяжеловесами 235-го полка потянулись и остальные пилоты-штурмовики. Со временем — голь на выдумки хитра — научились обходиться без прицела: целились по... выхлопным патрубкам двигателя.

В июле 1942 года началась Ржевско-Сычевская наступательная операция. На подступах к реке Гжать развернулось грандиозное встречное танковое сражение, в котором с обеих сторон схлестнулось около 1.500 (!) танков. За месяц боев ценой огромных потерь советские войска продвинулись всего на 30 километров. Ржев отбить вновь не удалось. В этих боях 235-й шап подполковника Чубченкова был лучшим среди четырех полков 264-й штурмовой дивизии и, как отмечал ее командир полковник Оленев, по праву занял 1-е место не только по количеству боевых вылетов — 271, но и по числу полетов с максимальной бомбовой нагрузкой — 58. Летчики полка Чубченкова сбросили на головы фашистов 93 тонны бомб, 3.264 шарообразные однолитровые ампулы АЖ-2 с зажигательной смесью, 97 бумажных 30-литровых огневых мешков с бензином, выпустили 1.566 реактивных снарядов, расстреляли 32 тысячи снарядов из пушек и 150 тысяч патронов из пулеметов. Сбили один самолет, уничтожили 30 танков, 133 автомашины и около 1.700 гитлеровцев. Собственные потери тоже немалые — 18 самолетов и 8 летчиков.

За мужество и умелое командование полком в боях за Ржев подполковник Чубченков был удостоен ордена Красного Знамени.

Кровопролитные бои продолжались. Не принесла успеха и проведенная под руководством генерала армии Жукова вторая Ржевско–Сычевская операция, больше известная под названием «Марс». Наши общие потери составили более 770 тысяч человек, из них 273 тысячи — убитыми...

В сентябре 1942 года решением командования 3–й воздушной армии Калининского фронта из состава 264–й штурмовой авиадивизии для выполнения особых, наиболее ответственных задач был выведен и стал отдельным 6–й гвардейский штурмовой авиаполк. Он должен был стать полком снайперов, мастеров штурмовых ударов, летающих с максимальной боевой нагрузкой. Возглавить полк специального назначения доверили подполковнику Чубченкову. И не ошиблись. Его летчики вскоре стали настоящими асами точечных, ювелирных ударов по штабам, артиллерийским батареям, складам, железнодорожным эшелонам.

Чубченков летал и сам, мастерски водил на цели группы штурмовиков и учил, без устали учил своих подчиненных. Вскоре они первыми в 3–й воздушной армии начали совершать рейды по тылам противника — летать на свободную охоту. Статьи об их боевых делах не сходили с первых полос фронтовых газет. Не остались успехи гвардии подполковника Чубченкова и без внимания вышестоящего командования. 3 марта 1943 года наши войска наконец–то взяли Ржев. Через пять дней после этого долгожданного события, минув должность заместителя командира дивизии, гвардии подполковника Чубченкова назначили командиром 308–й штурмовой авиадивизии. А еще через три месяца перспективному авиационному командиру присвоили звание полковника и отправили на учебу в Военно–воздушную академию.

Пропал без вести

На фронт Кирилл Моисеевич вернулся 16 февраля 1944 года. 206–я штурмовая авиадивизия, которую он возглавил, в составе 806–го, 807–го и 503–го штурмовых авиаполков участвовала в завершающих боях Никопольско–Криворожской наступательной операции. В марте на 4–м Украинском фронте наступило затишье. Войска начали подготовку к боям по освобождению Крыма. 206–я штурмовая дивизия должна была действовать в полосе нанесения главного удара — на Тархано–Ишуньском направлении.

Полки дивизии пополнялись новыми самолетами и экипажами, летный состав изучал район боевых действий, выполнял разведывательные полеты. Знакомясь с подчиненными, поднимался вместе с ними в небо и новый комдив. Его пилотское мастерство не осталось незамеченным, и очень скоро летное сообщество дивизии, весьма привередливое к назначенным свыше новичкам–командирам, сделало однозначный вывод — наш! Особый восторг вызвали полеты Чубченкова в сложнейших метеоусловиях, когда высота облачности достигала 30 — 50 метров...

27 марта 1944 года Кирилл Моисеевич прилетел на аэродром «Новокаменка», на Херсонщине, поздравить авиаторов 806-го штурмового полка со второй годовщиной со дня его образования. Вручил награды и ценные подарки, лучшей эскадрилье — патефон с пластинками. Через 10 дней, 8 апреля, в боевом порядке этого полка комдив будет участвовать в нанесении штурмового удара по Ишуньским укреплениям. Так началась Крымская наступательная операция.

Войскам 4-го Украинского фронта удалось сломить упорное сопротивление 17-й немецкой армии и прорвать оборону на Перекопском перешейке только к вечеру 10 апреля. В образовавшуюся брешь ринулись танки 19-го танкового корпуса. Истошные вопли Гитлера, призывавшего оборонять Крым, как крепость древних германских предков — готов, отклика в войсках не нашли. «Готы» были уже не те — 11 апреля они оставили Джанкой. Советские войска, буквально наступая гитлеровцам на пятки, стремительно двигались к Симферополю.

У Сарабуза (Гвардейское) боевая группа генерал-лейтенанта Фридриха Сикста, сформированная из остатков его 50-й Бранденбургской пехотной дивизии, пыталась остановить наши танки. Но они обошли заслон и, оставив немцев у себя в тылу, утром 13 февраля ворвались в Симферополь.

Авиационные части безнадежно отстали, радиус действия самолетов с аэродромов на Херсонщине не позволял активно поддерживать наступление сухопутных войск. Особенно это касалось штурмовой авиации.

13 апреля в 206-ю дивизию из службы тыла 8-й воздушной армии прислали инженера отдела аэродромного строительства капитана Сергея Калугина. Он слыл лучшим специалистом по поиску и оборудованию передовых аэродромов, за что был неоднократно награжден. Калугин доложил Чубченкову о том, что 449-й батальон аэродромного обслуживания уже готовит для бомбардировщиков аэродром южнее Джанкой, на бетонную полосу в Сарабузе планируется посадить истребителей, а штурмовикам предлагается разместиться на поле у совхоза «Симферопольский».

Чубченков предложил, не теряя ни минуты, вылететь в этот район на штабном биплане У-2 для рекогносцировки. Старший штурман дивизии майор Георгий Абрамов пилотировать самолет не мог, поэтому в первую кабину сел комдив, а во вторую с трудом втиснулись Абрамов с Калугиным.

Взлетевший с аэродрома «Новокаменка» У-2 взял курс на юг, пересек Сиваш и вскоре уже тархтел, нарезая круги, над новой посадочной площадкой у «Симферопольского». С земли за самолетом наблюдали жители близлежащего поселка, но, как оказалось, не только они.

Не обнаружив ничего подозрительного, Чубченков пошел на посадку. Оставив присматривать за самолетом Абрамова, он снял шлемофон, надел папаху и вместе с Калугиным пошел осматривать поле будущего аэродрома. Оживленно разговаривая, они и не заметили, как отошли от У-2 на значительное расстояние. На их беду в ближайшей лесопосадке притаилась группа немцев. Высокий, широкоплечий, в папахе и черном кожаном пальто-реглане советский командир, прилетевший на штабном У-2, сопровождаемый капитаном, не мог не привлечь их внимания. Стремительный, внезапный бросок, рукопашная схватка. Силы были слишком неравны... Майор Абрамов был далеко и помочь ничем не смог. Немцы, не желая привлекать к себе внимания, самолет не тронули и штурмана искать не стали. А скорее всего они его и не видели, и, зная, что У-2 двухместный, посчитали весь экипаж плененным. Майору Абрамову удалось отползти от самолета до ближайшего оврага и спрятаться.

Местные жители позже рассказывали, что избитого, в синяках и кровоподтеках советского полковника допрашивал пожилой немецкий генерал. Держался наш летчик смело и на его вопросы не отвечал. Скорее всего это был участник Первой мировой войны, тот самый генерал-лейтенант Сикст, который, оказавшись в тылу наших войск у Сарабуза, прорывался к Севастополю. Война для него закончится 9 мая 1945 года. В этот день командующий артиллерией Берлинского гарнизона Сикст сдался в плен советским войскам. Умер в августе 1976 года, и о Кирилле Чубченкове его уже не спросишь...

Командующий 8-й воздушной армией генерал Хрюкин, как только узнал, что полковник Чубченков на свой аэродром не вернулся, приказал немедленно послать по маршруту его последнего полета разведывательный самолет. Разведчик без труда нашел одиноко стоящий в степи У-2. Сел рядом, но экипажа не обнаружил...

По данным нашей разведки, Чубченкова доставили в Севастополь и успели по морю эвакуировать вместе с отступающими войсками в Румынию. О судьбе капитана Калугина и до сего дня ничего не известно. Чубченкова же ждал печально знаменитый у летчиков специальный лагерь в Морицфельде, Литцманштадт, Маутхаузен...

(Окончание в следующем номере.)

(Окончание. Начало в № 58)

Войн без пленных не бывает. Эта, казалось бы, не требующая каких-либо разъяснений истина, была понятна всем, кроме страдающего манией заговоров, измен и предательств советского Верховного Главнокомандующего. В Великую Отечественную, не делая разницы между

«сдавшимися в плен» и «попавшими в плен», миллионы (!) солдат и офицеров огульно заносили в «черные списки» злостных врагов, заслуживающих самой беспощадной кары. Печально знаменитый приказ № 270 от 16 августа 1941 года требовал репрессировать даже семьи военнопленных — арестовывать, высылать, лишать государственного пособия (пенсии) и помощи. В дополнение к нему специальный секретный приказ обязывал командиров и особистов два раза в месяц подавать в Генштаб списки попавших в плен с адресами подлежащих аресту членов их семей и родителей... Это распоряжение большинством командиров и начальников, слава богу, саботировалось. Обычно писали — пропал без вести, а значит, семья избегала репрессий и получала денежную помощь. Сколько безвинных людей было бы обречено на чудовищные страдания — в плен попали около 5 миллионов солдат и офицеров, — если бы этот, так и не отмененный до конца войны, приказ исполнялся? Многие из попавших в плен бежали, воевали в партизанских отрядах, погибали в боях с фашистами... А их семьи — в Сибирь?

В списки пропавших без вести занесли и полковника Кирилла Чубченкова, хотя все, в том числе и дивизионный особист, прекрасно знали, что он попал в плен. Иначе и его семья, и его родители — Прасковья и Моисей Чубченковы — загремели бы в лагеря. Не сдобровать было бы и брату — заместителю командира 130-го отдельного моторизованного батальона по политчасти майору Никифору Чубченкову.

Наш выдающийся соотечественник, известный летчик-штурмовик Герой Советского Союза маршал авиации Иван Пстыго рассказывал мне, что в годы войны они больше всего боялись плена. Не немецких зениток и истребителей — плена! Сбивали штурмовиков часто, а так как, атакуя гитлеровцев, они буквально ходили у них по головам, падать приходилось здесь же, на их территории. Бронекорпус при ударе о землю нередко спасал от смерти, но не спасал от плена.

Вопреки сложившимся у многих представлениям, немцы наших летчиков прямо там, на месте посадки, не расстреливали. Мне известны имена 17 летчиков Героев Советского Союза, попавших в плен, из них немцы расстреляли только двоих, остальные вернулись из плена домой. У немцев во всем, даже в отношениях к пленным, прослеживался прагматичный подход. За каждой советской дивизией был закреплен специалист-аналитик, который собирал всю информацию о командирах, летчиках, манере их радиообмена и характерных тактических боевых приемах, имел их фотографии. Перелетала дивизия на новый участок фронта — туда же со своей картотекой перебирался и прикрепленный к ней немецкий спец. В их руки для первичной обработки и попадали пленные летчики. Многие, пытаясь скрыть свое истинное имя, звание, полк были просто обескуражены, когда фриц обращался к ним по имени-отчеству и показывал фотографии их командиров.

Всех пленных летчиков немцы собирали в специальный лагерь в Морицфельде. Сегодня это в нескольких километрах от поселка Знаменск в Гвардейском районе Калининградской области.

Сюда доставили и командира 206-й дивизии полковника Кирилла Чубченкова. Правда, на этот раз у спецов-аналитиков вышла осечка. На все их вопросы Кирилл Моисеевич отвечать отказался, а так как в должности комдива он пробыл всего 2 месяца, то никаких данных на него у них не было. Номер своей дивизии и должность Чубченков не назвал, поэтому в немецких документах зарегистрирован как «полковник 8-й воздушной армии». Не стал он поправлять и немца, неверно записавшего его фамилию: Чубченко вместо Чубченков.

В Морицфельде он встретил немало летчиков-штурмовиков, с которыми довелось воевать под Москвой и Ржевом, сбитых в воздушных боях. Немцы пытались склонить их различными посулами к измене и предлагали поступить на службу в авиацию генерала-предателя Власова, но тщетно. Вокруг Чубченкова и полковника Исупова организовалась группа, которая начала готовиться к побегу. Ил-2 командира 306-й штурмовой дивизии Александра Филипповича Исупова был подбит над целью 24 марта 1944 года. Пришлось садиться на вражеской территории. Скрыться от гитлеровцев в открытой степи не удалось. Не удалась и попытка вырваться из Морицфельда. Летчиков-штурмовиков кто-то предал. За отказ от сотрудничества и попытку побега их отправили в лагерь с более строгим режимом содержания, который располагался у польского города Лодзь, или, как его называли, немцы — Литцманштадт.

Мысль о побеге не оставляла их и здесь. Ставку сделали на хорошо знакомых, надежных летчиков-штурмовиков. В подпольную группу Чубченкова и Исупова вошли известный всем по подвигам на Сталинградском фронте командир эскадрильи 622-го штурмового полка капитан Геннадий Мордовцев (в мае 1943 года был представлен к званию Героя Советского Союза, но, увы, его не получил), командир эскадрильи 618-го шап из той же, что и Мордовцев, 214-й штурмовой дивизии капитан Иван Битюков, помощник командира 874-го шап по воздушно-стрелковой службе капитан Владимир Шепетья.

Вскоре к ним присоединился Герой Советского Союза гвардии подполковник Николай Власов. Как вспоминает его однополчанин летчик-фронтовик Степан Микоян, при перелете на учебном самолете УТ-2 с аэродрома «Плеханово» в Ленинград Николай Иванович в условиях плохой погоды заблудился и случайно сел на финском аэродроме, где и был захвачен в плен. Власов появился в лагере в погонах, со Звездой Героя, орденами, с медалью «За оборону Сталинграда» и поначалу был воспринят как провокатор. Удивительно, но немцы зачастую не отбирали у наших летчиков их награды. Многим удалось сохранить в плену не только ордена, но даже партбилеты. Во всяком случае, мне довелось общаться с одним из бывших в плену летчиков-штурмовиков, которому удалось это сделать.

Николай Власов стал настоящим заводилой для всей подпольной группы. Именно он предложил сделать подкоп под забором и вырваться на свободу. Помешал случай. Из-за сильного проливного дождя уже готовый подземный ход обвалился. Участники готовившегося побега были схвачены.

Как ответили мне немецкие специалисты–историки из Дрездена, к которым я обратился за помощью в поиске данных о полковнике Чубченкове, заключенный № 3850 Кирилл Моисеевич Чубченков 15 июля 1944 года был передан службе безопасности лагеря Литцманштадт. Об этом впервые рассказал 19 августа 1958 года в газете «Советская авиация» командир Исупова маршал авиации Герой Советского Союза Владимир Судец: «15 июля 1944 года всех военнопленных выстроили на лагерном плацу. Гестаповцы вывели из строя Исупова, Чубченкова и еще четверых советских летчиков, фамилии которых до сих пор установить не удалось. Палачи на глазах у всех надели на них наручники, втолкнули в полицейскую машину и увезли. Исупов и остальные товарищи успели крикнуть на прощание: «Да здравствует Советская Родина!»

Но их тогда не расстреляли. Чубченкова и заключенного № 3818 Исупова отправили в лагерь под Берлин, Власова — в крепость–тюрьму Вюрцбург. По разным лагерям развезли Шепетю, Битюкова и Мордовцева.

В начале 1945 года все они вновь встретились в самом жутком нацистском лагере смерти Маутхаузен, расположенном в Австрии, вернее в Остмарке — так стали называть эту страну немцы после аншлюса 1938 года. Маутхаузен — единственный лагерь, отнесенный палачом Гиммлером к третьей, самой страшной категории, предназначенный для безжалостного уничтожения не подлежащих исправлению особо опасных врагов третьего рейха.

2 марта 1944 года шефом гестапо группенфюрером Мюллером был издан приказ, согласно которому все совершившие побег советские офицеры направлялись в Маутхаузен. В обстановке строгой секретности здесь строился изолированный от всех блок № 20. Специальный «Блок смерти» в лагере смерти.

Прекрасно понимая, что их ждет впереди, Исупов, Чубченков, Власов и примкнувший к ним Герой Советского Союза полковник Кобликов, не теряя времени, готовили побег. Организационное ядро, штаб восстания — все те же Мордовцев, Битюков, Шепетя.

Последний бой смертников

Чтобы иметь хотя бы какой–то шанс на успех, надо было во что бы то ни стало добыть план лагеря. Ценой своей жизни это сделал капитан Мордовцев. К концу января 1945 года в «Блоке смерти» находилось более 700 узников. Среди них были партизаны, командиры, политработники, офицеры еврейской национальности, но большинство — летчики. Из них руководители восстания и сформировали основные штурмовые группы, которым предстояло перебить охрану, захватить пулеметные вышки, обесточить колючую проволоку и открыть остальным путь к свободе. Они прекрасно понимали — большинству суждено погибнуть, но это никого не остановило.

В последний бой решили идти в ночь на 29 января. Однако случилось непредсказуемое — 27 января эсэсовцы схватили Власова, Исупова, Чубченкова, Кобликова и еще 21 активного участника восстания. Как стало известно позднее, их казнили и сожгли в крематории.

Но почувствовавшим хотя бы призрачную надежду на свободу узникам уже ничто не могло помешать.

Ночью 2 февраля они пошли на штурм. Ударные группы погибли в первые минуты боя, но обеспечили прорыв остальных. 419 смертников из последних сил бросились бежать по снегу к близлежащим поселкам, надеясь на помощь богобоязненных католиков–австрийцев. Увы...

Началось невероятное по своей жестокости истребление советских военнопленных, цинично названное «Охота на зайцев». Кровь лилась рекой... Советских офицеров убивали из охотничьих ружей, рубили топорами, резали ножами... Через несколько дней все было кончено — 410 обезображенных трупов свалили на школьном дворе в поселке Рид ин дер Маркет в 4 километрах от Маутхаузена. За каждого убитого гитлеровцами было обещано солидное вознаграждение...

Девятерых нацисты недосчитались. Уже после войны оказалось, что спасшихся больше. Видимо, в число 410 убитых случайно попали другие, прятавшиеся в окрестных лесах и попавшие под облаву люди. Известно, что вошедшие в кровавый раж охотники по ошибке подстрелили даже одного эсэсовца. Нашлись среди австрийцев и люди — три семьи, которые, рискуя угодить за это в лагерь, спрятали и спасли четверых советских офицеров. Удалось спастись и выжить летчикам–штурмовикам капитанам Битюкову и Шепете. Благодаря им и стало известно о судьбе нашего легендарного земляка Кирилла Чубченкова.

Американцы, освободившие 5 мая 1945 года Маутхаузен от нацистов, разобрались с эсэсовцами быстро и беспощадно. Часть охранников лагеря расстреляли на месте, еще 58 после суда повесили. В петле закончил свою жизнь надзиратель 20–го «Блока смерти» унтершарфюрер СС Нидермайер, при попытке к бегству был подстрелен американскими солдатами комендант лагеря штандартенфюрер СС Цирайс, чье тело бывшие узники бросили на колючую проволоку под током.

Маутхаузен и его окрестности отошли в советскую зону оккупации, и у наших была отличная возможность провести расследование и по закону спросить с местных жителей за учиненную ими жестокою бойню пленных советских офицеров. Но как было спросить, если в своей родной стране великий Сталин записал всех их в изменники и поставил вне закона...

14 мая 1945 года в Австрии прошел победный воздушный парад. Словно отдавая последние почести погибшим в Маутхаузене летчикам, стремительно пронеслись по небу Ил–2 306–й Нижнеднепровской Краснознаменной ордена Суворова штурмовой авиадивизии, которой командовал в 1944–м Александр Исупов из 10–го Одесско–Венского штурмового авиакорпуса генерал–лейтенанта Толстикова, бывшего в огненном 1941–м командиром у Кирилла Чубченкова.

Без права на подвиг

Из 32 тысяч 180 советских узников, разделивших в Маутхаузене горькую участь Кирилла Чубченкова, погибших с горьким клеймом предателей, после войны достойно отметили только одного — генерала Дмитрия Карбышева. Бывший военнопленный, канадский майор Седдон де Сент–Клер, оказался свидетелем героической гибели в феврале 1945 года пленного советского генерала, которого немцы живьем заморозили под струями воды, превратив в ледяную глыбу. Он и поведал об этом широкой мировой общественности. Проиигнорировать это было нельзя, и Сталин, беспрецедентный случай, присвоил генералу в 1947 году звание Героя Советского Союза посмертно. Вместе с Дмитрием Карбышевым в ту жуткую ночь фашисты заморозили еще более ста советских военнопленных. Их имен канадский майор не знал, а уточнять никто и не стал. Лишние герои из числа военнопленных Сталину были не нужны.

В том же 1947 году была создана Международная ассоциация бывших узников фашистских концлагерей — Советский Союз в нее не вошел. Эта тема у нас была закрыта, попытки рассказать о мужестве советских военнопленных, не запятнавших свои имена и прошедших нечеловеческие испытания лагерями смерти, — пресекались. Бывший военнопленный писатель Степан Злобин в 1947 году передал для публикации редактору «Нового мира» Константину Симонову свою повесть об узниках концлагеря «Восставшие мертвецы» — ее тут же

изъяли сотрудники КГБ. Вернули только в 1953–м, после смерти Сталина. Она вышла в свет только в 1963 году под названием «Пропавшие без вести».

Можно по–разному относиться к руководителю советского государства Никите Хрущеву, но именно благодаря ему с миллионов советских военнопленных было смыто позорное пятно изменников Родины. После XX съезда КПСС, развенчавшего культ Сталина, для восстановления доброго имени и попорченного достоинства всех, в том числе Чубченкова и его товарищей, честно воевавших и перенесших трагедию плена, была создана специальная комиссия во главе с маршалом Жуковым. Плодом ее работы стало секретное постановление ЦК КПСС от 29 июня 1956 года «Об устранении грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и

членов их семей». Справедливости ради надо сказать, что оно было во многом вынужденным. ЦК КПСС буквально завалили письмами тысячи советских людей, возмущенных невероятной несправедливостью. Указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны» от 17.09.1955 г. освобождал от ответственности полицаев, власовцев и прочих предателей, миловал тех, кто действительно сотрудничал с немцами в концлагерях, но не распространялся на военнопленных! Домой — в фатерланд репатриировались все без исключения немецкие военнопленные, среди которых было немало бывших эсэсовцев. И встретили их в Западной Германии достойно: окружили заботой, назначили пенсии, дали жилье.

Многие советские военнопленные после немецких лагерей оказались в сибирских и на Колыме. И относились к ним в этих лагерях, как рассказывал мне бывший военнопленный летчик–штурмовик Валентин Будников, не лучше, чем в фашистских. Только эти унижения и побои были горше, обиднее. За что?

Никогда мне не забыть плачущих навзрыд ветеранов нашей 1–й гвардейской штурмовой авиадивизии, смотревших фильм «Чистое небо». Герои, вынесшие на своих плечах все тяготы войны, не могли сдержать своих чувств, когда бывший военнопленный летчик Астахов — артист Евгений Урбанский — от имени всех товарищей по несчастью кричит с экрана: «Да, был в плену! Виноват, что сбили, виноват, что бежал, а меня поймали и собаками рвали на мне мясо, виноват, что не подох с голоду, виноват, что не пристрелили, не сожгли в печи, виноват, виноват, виноват!» Перед их глазами стояли горькие судьбы их боевых товарищей. Даже сумевших бежать из плена летчиков исключали из партии и отправляли в пехотные штурмовые батальоны, а после войны — в трудовые отряды или лагеря.

Во время войны, если были лишь предположения, что сбитый пилот мог попасть в плен, то представления к званию Героя Советского Союза или к ордену немедленно отзывались. Одна из немногих женщин летчиков–штурмовиков лейтенант Аня Тимофеева была сбита 20 августа 1944 года и попала в плен. В этот же день за 243 боевых вылета представлена к Герою Советского Союза, но... В 1945 году Аня вернулась из лагеря, где сохранила все свои ордена, но ее все равно выгнали из партии, долгие годы измывались, таскали на допросы. Заслуженную Звезду Героя она получила лишь в мае 1965 года... А сколько так и не дождались заслуженных наград?

Меня буквально потрясла судьба любимого летчика трижды Героя Советского Союза Покрышкина двадцатипятилетнего командира 16–го гвардейского полка Героя Советского Союза гвардии капитана Ивана Бабака. 14 апреля 1945 года за 35 лично сбитых самолетов и еще 5 в групповых боях комдив Покрышкин представил Ивана ко второй Звезде Героя Советского Союза. Но 16 апреля Бабака сбивают, и он попадает в лагерь к фашистам. 23 дня плена обойдутся ему очень дорого. Несмотря на заступничество и поручительство Покрышкина, в покое капитана не оставят и вынудят уволиться из армии. Глубоко обиженный, Иван Ильич уедет подальше — в деревенскую школу, где многие годы будет работать простым школьным учителем. И никто из

местных даже не догадывался, что их любимый Ильич — Герой Советского Союза! Случайно узнав об этом, в школу приехал Покрышкин и со словами: «Приказываю — носить!» — снял со своего кителя Звезду Героя и прикрепил на его пиджак.

Очень немногие авиационные командиры заступались за своих побывавших в плену летчиков — это было небезопасно. Не боялся перечить Сталину командующий Дальней авиацией маршал Александр Голованов, веривший своим пилотам и смело бравший ответственность за них лично на себя. Это ему просто так с рук не сошло — заслуженного звания Героя Советского Союза он так и не дождался. Не прошла даром честность и порядочность в отношении к попавшим в беду летчикам и Покрышкину. Только после смерти Сталина — в 1953 году он получил звание генерала, ожидая этого 9 лет — с 1944 года...

Совестливый Покрышкин не побоялся выступить в защиту легендарного Девятаева, угнавшего вместе с девятью узниками совершенно секретный самолет наведения баллистических ракет Хе-111 Х-22 и угодившего за этот подвиг в наш лагерь, в советский. Изгнанный из авиации, ставший поневоле артиллеристом и пониженный в звании, Девятаев заслужил Звезду Героя Советского Союза только в 1957 году. Стоит вспомнить, что бежавший из советского плена лучший немецкий ас Хартман получил повышение по службе и высшую награду из рук Гитлера. Не отвернулся комдив Покрышкин и от земляка Кирилла Чубченкова, уроженца Могилевщины Григория Дольникова, сбившего 15 немецких самолетов, но угодившего в плен и удостоенного Звезды Героя лишь в 1978 году. Кстати, именно Дольников стал одним из прообразов военнопленного Андрея Соколова из написанной в 1956 году Михаилом Шолоховым повести «Судьба человека», гениально экранизированной Сергеем Бондарчуком.

В том же 1956-м вся страна была буквально потрясена «Крепостью на границе» Сергея Смирнова, народ валом шел на снятый на ее основе кинофильм «Бессмертный гарнизон». А ведь многие из героев Смирнова — бывшие военнопленные. Огромную поддержку в деле увековечения памяти защитников Брестской крепости писатель получил от первого секретаря Брестского обкома партии Героя Советского Союза Петра Машерова. В июле 1952 года вместе с участниками Слета молодых борцов за мир он побывал в Маутхаузене. Увиденное там потрясло его до глубины души. Среди 122.766 зверски замученных узников этого лагеря мог быть и он. Немногие знают, что и Машеров недолго был в плену... Величественный Брестский мемориал, который Петр Миронович открыл в 1971 году, стал памятником и им, безвестным героям, принявшим мученическую смерть, но не предавшим Родину.

Из небытия, из позорного забвения стали возвращаться все новые и новые Герои — бывшие

заключенные. Советские люди узнали о Мусе Джалиле и Федоре Полетаеве, посмертно удостоенных Золотых Звезд, о генерал-майоре авиации Григории Тхоре, навечно зачисленном в 1959 году в списки авиационной части (Героем Советского Союза он стал посмертно в 1991 г). Узнали о легендарных партизанах Югославии и Франции Мехтие Гусейн-заде и Ахмеде Джебраилове — кавалере ордена Почетного легиона. Подлая жестокость тогдашнего времени лишила их права на подвиг, но справедливость все же восторжествовала.

В 1960 году в дорогой для каждого белоруса день — 3 июля — руководитель советского государства Никита Хрущев посетил Маутхаузен. Осмотрев лагерь, он, возлагая цветы к памятнику замученным здесь советским гражданам, сказал: «Советский народ свято хранит память о своих сынах, погибших во имя спасения человечества от угрозы фашистского порабощения». Повесть Сергея Смирнова «Герои блока смерти» и телевизионная передача «Люди несгибаемой воли» назвали имена героев: Исупов, Чубченков, Власов, Мордовцев, Битюков, Шепетя...

9 мая 1966 года в подмосковных Люберцах зажгли Вечный огонь памяти и открыли стелу с барельефом Николая Власова. Рядом с ней установили мемориальную доску: «Здесь захоронена урна с прахом жертв фашизма замученных, но непокоренных в застенках Маутхаузена».

Увы, Вечный огонь в 2010 году потушили, а мемориал кому-то помешал — его перенесли во двор местной школы-гимназии. А в Австрии — наоборот, по инициативе организации «Социалистическая молодежь Австрии» собрали деньги и в мае 2001 года установили памятник жертвам восстания советских офицеров 20-го «Блока смерти». На обелиске нет фамилий, только зачеркнутые палочки — так эсэсовцы отмечали зверски убитых заключенных. Несколько — не зачеркнуты. Девятерым, разве что с божьей помощью, удалось тогда бежать и спастись. Спастись, чтобы рассказать Родине о героизме и преданности ее сыновей. Но, к сожалению, 410 погибших при побеге советских офицеров и до сего дня остались лишь «палочками». Горько и стыдно, но их фамилии неизвестны. В 2008 году умер последний из девяти спасшихся узников «Блока смерти» техник-интендант 1-го ранга Михаил Рыбчинский — человек, который видел Кирилла Чубченкова, видел еще живым.

В Австрии о героях блока № 20 сняты художественный и документальный фильмы, антифашистское сопротивление узников Маутхаузена изучают в Институте последствий войн имени Л.Больцмана в Граце, здесь проводятся конференции, памятные мероприятия. Скрупулезно и ответственно работают с документами, содержащими информацию о наших военнопленных, в Германии. По моей просьбе старший научный сотрудник «Саксонских мемориалов» в Дрездене Александр Харитонов нашел последнюю, заставившую сжаться мое сердце, фотографию Кирилла Чубченкова. Сделана она в Лодзинском концлагере в июле 1944 года, уже после попытки побега из лагеря в Морицфельде.

В советские времена, многие это забыли, был период, когда Суслову и другим партийным идеологам вдруг показалось, что бывшим пленным уделяется слишком много внимания и их излишне героизируют. В это сегодня трудно поверить, но вредной посчитали даже «Брестскую крепость» лауреата Ленинской премии Сергея Смирнова, которую изымали из библиотек и долгие годы не переиздавали. Тему героизма и сопротивления советских воинов в плену не только закрыли, а и вновь стали ставить под сомнение. Где свидетели? Расстреляны? Сожжены в крематории? А оставшиеся в живых свидетели — бывшие военнопленные? Так о чем тогда говорить? Ситуация, хорошо знакомая нам по истории с героями Минского подполья, которых долгие годы считали предателями. Многие узники–герои по вине горе–идеологов так и не были достойно увековечены. В период хрущевской «оттепели» сделать это не успели, а потом и вновь забыли. Только этим я могу объяснить то, что особо опасный враг третьего рейха (а иначе он не попал бы в «Блок смерти») полковник Кирилл Чубченков и до сего дня у нас — «без вести пропавший».

Мало что известно и о его родственниках. После войны один из братьев жил в Москве, другой — в Ростове–на–Дону. Его жена — Чубченкова К.В. — проживала в 1946 году по адресу: г. Гомель, ст. Черниговская, 10. Так в документах, и что означает «ст. Черниговская, 10», мне уточнить не удалось. Возможно, кто–то вспомнил бы Кирилла Чубченкова и в его родной деревне Хоронево, но ее, увы, накрыла в 1987 году чернобыльская беда, и многие жители уехали.

Эсесовцы, сжигавшие в крематории не вставшего перед ними на колени полковника Чубченкова, смахнув со своего звериного лица кровавый пот и зачеркнув в своем реестре очередную палочку–человека, — просчитались. Из нашей памяти его вычеркнуть не удалось. Кирилл Моисеевич не пропал без вести, сегодня он вновь в строю, среди сотен тысяч белорусских парней, ценой своей жизни сломавших хребет фашизму. Смертью смерть поправ...